

Предисловие

Эта книга написана две тысячи лет назад человеком по имени Йесус Нацеретянин. К нам в редакцию попала красная картонная папка, в которой находилась рукопись, созданная на греческом языке с вкраплениями латыни, иврита и арамейского письма. Она представляла собой хорошо сохранившиеся листы папируса.

Вместе с древним текстом-исповедью в папке лежали документы гражданина Российской Федерации (в том числе удостоверение к медали «За освобождение Пальмиры»), газетные вырезки, две фотографии и гербовое свидетельство о смерти, выданное отделом Записи актов гражданского состояния района Кузьминки города Москвы.

Судя по этим материалам, человек, нашедший рукопись, служил в российской армии, находился в Сирии во время недавней военной кампании и где-то в Дамаске, внутри стены дома, треснувшей от взрыва снаряда, обнаружил медный сосуд с папирусами. После возвращения домой этот человек работал в Московской службе спасения и погиб во время тушения пожара, что подтверждает некролог, вырезанный из газеты «Спасатель».

Приносим благодарность сотрудникам Института библеистики РАН, которые перевели текст

ПРЕДИСЛОВИЕ

на русский язык. Рукопись передана на спецхранение. С помощью лабораторных исследований подтверждено, что время ее создания совпадает с датой, указанной автором.

Мы не можем назвать имя первооткрывателя рукописи, так как списки участников тех боевых действий засекречены. Что касается фотографий, то на одной ему семь лет и он держит игрушечный автомат, а на другой — улыбающийся мужчина в камуфляже и каске запечатлен с медным сосудом в руках на фоне залитых солнцем белых полуразрушенных зданий.

ГЛАВА 1

Храм

Я родился на кладбище недалеко от Бейт-Лехема. Мать с отцом шли туда из Нацерета, чтобы принять участие в переписи населения, которую устроил правитель Сирии Квириний. Они не смогли найти место на постоялом дворе, и я появился на свет в пещере возле гробницы Рахили, младшей жены патриарха Иакова. Моя мать была здоровой и сильной женщиной и уже на следующий день смогла покинуть пещеру, чтобы добраться до Бейт-Лехема, где в городском управлении нас внесли в список жителей римской провинции и на белом нильском папирусе было начертано мое имя — Йесус, сын Иосифа.

Говорят, в те дни между планетами Шабтай и Маадим в созвездии Змееносца появилась новая блуждающая звезда необыкновенного блеска, которая бледнела по мере того, как я все с большим аппетитом сосал материнское молоко. Шел сорок второй год правления Августа.

Родители вернулись в Нацерет, и тринадцать лет со мной не происходило ничего особенного. Я помогал пасти коз и учился грамоте и философии у старого эллина Никандроса.

Впервые я увидел Иерусалим на праздник Песах. Я пришел туда с родителями. Мой отец Иосиф был уже очень стар, хотя продолжал работать плотником. Мы с матерью шли, а он ехал

на молодом осле, который часто останавливался и кричал, задрав морду, будто желая поведать миру о чем-то важном. Отец злился и бил его пятками по бокам, а паломники обходили нас с обеих сторон. Иосиф был не в духе: накануне он вернулся из Сепфориса, где вместе с другими мастерами делал кресты для казни мятежников, и руководивший работами центурион заплатил ему меньше, чем обещал.

В тот раз я плохо запомнил Иерусалим, но Храм поразил меня. Издали он похож на снеговую гору с золотой вершиной, потому что построен из белых камней, а крыша покрыта чистым золотом. Паломники останавливаются на холме своих лошадей, ослов и верблюдов, повозки и несущих паланкины рабов и заворуженно смотрят на Храм, окруженный высокими стенами. Огромный и при этом невесомый, он будто парит над городом на фоне далеких голых вершин.

На территории Храма непрерывно, год за годом, идет работа: одни служители везут к печам дрова, другие несут сосуды с маслом, третьи — крупитчатую муку и ароматные смеси в горшках. На огромном медном жертвеннике горит мясо, курится фимиам, плывут волны синего дыма. Софери́мы и фарисеи, сидя под мраморными колоннами галереи, спорят с саддукеями, совершенствуясь в точнейшем толковании Закона.

Какие-то паломники спят на циновках в укромных углах, кто-то несет тушу бычка, а левиты вполголоса переговариваются со знатными людьми и друг с другом, решая важные дела, а может быть, и судьбу царства Израиля. Трещит негасимое пламя на костре жертвенника, молитвенные песнопения смешиваются с криками торговцев, звуками труб и ревом убиваемых животных. Если вдруг эта сокровенная работа прекратится, что будет с нашим народом? Что будет со мной, если не станет Храма? Я умру?

Так думал я, стоя в притворе и разглядывая мозаики на стенах. Святая святых скрывали занавеси с вышитыми херувимами и цветами, и казалось, за ними был центр Вселенной, сосредоточено все самое неизъяснимое, скрытое, голодное, но могущественное и красивое. Это подтверждали драгоценные камни на одеждах священников, золотые кадила и чаши, серебряные сосуды высотой в семь локтей, отполированные так, что в них отражались дневные¹ огни меноры, лампы которой были наполнены маслом оливы из Священного сада.

Отец и мать принесли жертву и отправились отдохнуть к знакомому по имени Феодосий,

¹ В меноре (ритуальном светильнике храма) днем горели не все лампы.

торговцу посудой и красителями для тканей. Они разрешили мне остаться в Храме до вечера, а потом я должен был прийти в дом Феодосия. Мы собирались переночевать у него и на следующий день, с толпой нацеретян, отправиться обратно в наш город.

Я сидел среди других детей в одной из комнат Храма и ждал, когда с нами будет разговаривать священник, учитель Закона. Пока мы ждали его, нас угостили — принесли кувшин виноградного сока и корзинку фиников.

Священное Предание я к тому времени уже знал благодаря хорошей памяти, которая позволяла раз и навсегда запомнить однажды прочитанное и услышанное.

В тот день я впервые в жизни испытал сильный гнев. Родители должны были, как и все, заплатить священный налог серебряными тирскими статирами, потому что эти монеты, по мнению казначеев Храма, не осквернены — на них нет изображений языческих богов или головы римского императора.

В нишах стояли высокие кувшины, куда под надзором левитов паломники бросали монеты. Когда кувшины наполнялись, стража уносила их в подземелье под Храмом. На площади у входа,

рядом с торговцами жертвенными животными, сидели люди, которые меняли нечистые монеты паломников на статиры, оставляя себе небольшой процент. И меняла обманул нас — дал за наши тетрадрахмы на один денарий меньше, чем должен был. Я сразу заметил это, сделав подсчет в уме, но мать отказалась требовать с менялы недостающее. Она сверкнула на меня глазами и сказала, что это неблагочестиво, ведь сейчас великий праздник... Отец, как всегда, не решился ей перечить, а во мне все вскипело, я хотел опрокинуть стол проклятого менялы и добиться справедливости...

Жаль, не все понимают, что наше благочестие нужно не Богу, а тем, кто учит нас не любить императора и его голову на монетах.

В тот год я стал «сыном наказания»² и уже понимал, что закон, даже самый справедливый, не может совершаться сам по себе, ведь Бог беспомощен без людей, которые являются его орудием.

Но чей я сын на самом деле, хотелось бы знать? Незадолго до того, как мы отправились в Иерусалим, соседка сказала мне, что Иосиф не мой отец.

² Бар-оншин (ивр.) — возраст (13 лет), с которого мальчик отвечал перед законом.

Сначала я не поверил.

Было больно думать, что моя мать зачала меня преступным образом. Говорить с ней об этом, чтобы узнать правду, я не решался. Вспыльчивая и властная, она и так считала меня не таким, как все, неправильным, и постоянно подозревала в чем-то. Она выросла при Храме и, конечно, гордилась этим. Однажды она сказала, что я слишком умен, чтобы меня любить. Ведь умный человек ясно видит недостатки окружающих людей, даже самых близких. А как любить такого, который все видит, даже самое скрытое и грязное? Чистая любовь не может быть такой.

Я хотел поговорить об этом со священником. Казалось, священник должен быть мудр и сможет научить меня спокойной уверенности... Но в чем? В чем мы вообще можем быть уверены?

Вскоре пришел священник. Мы сидели на полу, на войлочных подстилках, а он стоял перед нами. Мы задавали вопросы, он отвечал. Повторял и так известные мне заповеди. Вспоминал те или иные места в Торе. И я спросил его, зачем Богу такой большой Храм, ведь Его любовь к нам не может зависеть от ширины и высоты какого-то здания. Священник ответил, что в Храм стекаются люди со всех концов земли, чтобы единой семьей предстать перед лицом своего Бога, и поэтому

Храм большой, как просторный дом для большого богатого семейства. Меня разочаровал его ответ, потому что из этого следовало, что Храм построен людьми и для людей. А где же тут Бог?

Затем священник стал рассказывать нам о мессии. О том последнем пророке, который придет и навсегда освободит Израиль. Я засмеялся, и другие дети удивленно уставились на меня.

— Откуда же он придет? — спросил я. — Из ящика со свитками?

— Чтобы рассуждать об этом, сначала надо как следует выучить Священное Писание, — ответил священник.

— А почему мессия не пришел до сих пор? Чего он ждет? — не понимал я.

— Мальчик, мы пока не достойны принять его, ведь наша вера очень слаба.

— Значит, дело не в Священном Писании, а в вере? — продолжал я допытываться. — И вера — это главное, а все остальное — просто слова?

— Пророк Моисей получил от Господа Скрижали Завета, — терпеливо объяснял священник,

но я заметил, что он начинает раздражаться. — И пророк Исайя был вдохновлен самим Господом. Разве не чудо, что мы можем прочесть сказанное им? Придет мессия, и все народы перекуют копья свои на серпы! Войны прекратятся, настанет мир и благоденствие... Мудрость всех пророков собрана в Писании. Это не просто свитки, это дар, который отвергать глупо и бесстыдно. Понимаешь, мальчик?

Тогда я задал еще один вопрос, на который можно было ответить только прямо, без возможности сослаться на пророков:

— При Храме есть помещение для прокаженных. Вылечился ли там кто-нибудь?

Священник сделал вид, что не услышал вопроса, но на его лице мелькнула неискренняя улыбка — будто на мгновение он примерил маску, за которой таилась уродливая правда, и стал рассказывать о том, как по египетским домам шел ангел смерти, истребляя первенцев за то, что фараон не отпускал евреев из рабства.

Вечером, когда беседа закончилась и дети разошлись, я соврал священнику, что у меня нет родителей и мне некуда идти. Он посоветовался с кем-то, и мне разрешили остаться на территории Храма, пока не кончатся дни праздника.

Я знал, что должен постоянно учиться, и решил, что в Храме у меня будет такая возможность — там можно было беседовать со многими образованными людьми и узнавать новое.

Мне дали пресную лепешку и козьего молока и отвели в небольшую постройку рядом с хранилищем масла, похожую на конюшню для пары лошадей. Там была чистая солома. Я лег на нее. За краем камышовой крыши виднелось звездное небо. Я думал о том, что есть люди, которые верят в небесные светила, а кто-то поклоняется черным камням, упавшим с неба... Так говорил эллин Никандрос, многому научивший меня в Нацерете по своим свиткам. И я решил тогда, что какой-нибудь врач, вылечивший прокаженного, больше достоин любви, чем камни или священники Храма, которые даже все вместе не могут ясно ответить ни на один вопрос.

Мне было страшно, потому что, глядя в небо над Храмом, я вспомнил слова пророка Исаяи: «Истлеет все небесное воинство; и небеса свернутся, как свиток книжный; и все воинство их падет, как спадает лист с виноградной лозы и как увядший лист — со смоковницы».

Мне было тревожно и горько. Я понял, что не хочу возвращаться с родителями в Нацерет. Но почему? Как мне дальше жить? Почему